

Муниципальный этап ВсОШ в городе Москве, литература, 11 класс, 2020/21

14:55–19:15 20 мая 2020 г.

№ 1

30 баллов

[30 баллов] СЦЕНАРИСТ

Чтобы литературное произведение нашло отражение в кино или анимации, сначала пишется литературный сценарий. Режиссёр игрового или анимационного фильма, пользуясь литературным сценарием, пишет так называемый «режиссёрский» сценарий. В нём будущий фильм смоделирован кадром, с указанием места действия, содержания кадра, типа кадра («плана»), прямой речи или голоса за кадром, звукового сопровождения, необходимого реквизита.

Пример литературного сценария фильма «Колобок»

Весёлая музыка. По лесной тропинке катится, подпрыгивая от счастья, Колобок. Подмигивает грибам, выросшим по обе стороны тропинки. Навстречу ему деловито идёт ёж, он шипит и сворачивается в рожок при приближении Колобка. Колобок натывается на ежа, останавливается, корчит недружающую рожицу (камера даёт крупный план: ярко-голубые глаза Колобка) и катится дальше. Тропинка поворачивает, и из кустов выбегает Заяц. Музыка замолкает.

Пример режиссёрского сценария фильма «Колобок»

№ кадра	Содержание кадра	План, время	Звук/речь	Натура/реквизит
1	Хмурый день, крестьянская изба	Общий, камера приближается, 2 с	Протяжная народная песня	Живописная деревня, утварь избы
2	Дед и Баба сидят за пустым столом	Общий, 1 с	Песня становится тише	Повседневные народные костюмы
3	Лицо Деда	Крупный, 2 с	«Испекла бы, ты, старуха, колобок»	
4	Рука Бабы, сметающая несуществующие крошки со стола	Деталь, 2 с	«Э-эх»; народная песня звучит громче	Некрашенный деревянный стол

1 кадр

- Содержание кадра:** хмурый день, крестьянская изба.
- План, время:** общий, камера приближается, 2 с.
- Звук/речь:** протяжная народная песня.
- Натура/реквизит:** живописная деревня, утварь избы.

2 кадр

- Содержание кадра:** Дед и Баба сидят за пустым столом.
- План, время:** общий, 1 с.
- Звук/речь:** песня становится тише.
- Натура/реквизит:** повседневные народные костюмы.

3 кадр

- Содержание кадра:** лицо Деда.
- План, время:** крупный, 2 с.
- Звук/речь:** «Испекла бы, ты, старуха, колобок».
- Натура/реквизит:** нет.

4 кадр

- Содержание кадра:** рука Бабы, сметающая несуществующие крошки со стола.
- План, время:** деталь, 2 с.
- Звук/речь:** «Э-эх»; народная песня звучит громче.
- Натура/реквизит:** некрашенный деревянный стол.

Прочитайте стихотворение.

Марина Цветаева

МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещённый в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорóво, в веках Владимир!

Он возчик, и он же конь,
Он прихоть, и он же право.
Вздохнул, полплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес –
Здорóво, гордец чумазий,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорóво, булыжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова
Оглоблей гребёт – крылом
Архангела ломового.

Напишите литературный ИЛИ режиссёрский сценарий для короткометражного игрового или анимационного фильма по стихотворению.

Представьте в своём тексте декорации, музыку, звуковые и световые эффекты, смену планов (общий, крупный, деталь).

Решение

Решение

№ 2

40 баллов

[40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

[Прозаический текст](#)

[Стихотворный текст](#)

Выберите для аналитической работы **ИЛИ** прозаический, **ИЛИ** стихотворный текст.

Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 350–400 слов.

Вариант 1

Алексей Славовский (1957)

ЦАПЛЯ

Орефьев перестал запирать дверь на ночь, чтобы, если он умрёт во сне, не пришлось её взламывать. А она металлическая, с тремя замками; два запирают саму дверь, а третий эти два. Воров же и грабителей он не боится. Он вообще перестал опасаться других людей с тех пор, как серьёзно заболел. Он боится теперь только себя, вернее, собственного организма – да и то как-то уже привычно, почти спокойно. Или – обречённо. Правда, заодно Орефьев перестал получать от людей удовольствие, но, честно сказать, они его и раньше не очень-то подавали.

Проверив, не заперта ли дверь, он поливает цветы и растения, которыми украсило квартиру его семейство давным-давно, когда оно ещё было.

После этого он пьёт лекарства, в таблетках и жидкие, а потом с чувством исполненного долга смотрит телевизор, переключая с канала на канал, пока не наткнётся на какое-нибудь старое кино, смотренное уже много раз.

Досмотрев кино, он ложится спать.

Ночью иногда спит, иногда нет, а иногда бывает приступ; Орефьев лежит и ждёт, когда пройдёт. «Скорую помощь» он вызывает крайне редко, ему всегда неловко перед усталыми врачами.

Возвращая ночь была средней: немного бессонницы – часа полтора, немного боли – обощлось без лекарств, потом сон без снов – и обычное хмурое и вялое пробуждение. Да ещё дождь моросит третий день. Орефьев сел у окна пить чай и смотреть в окно. Там голые весенние деревья, лёгкий туман и притягательный кирпичный дом; сколько помнит Орефьев себя, столько помнит его. Крыша дома когда-то была шиферной, а потом её покрыли жёстью и покрасили в бурый цвет, она мокрая сейчас, но нигде не блещит: нет света, от которого блестяет. Трубы: восемь у гребня крыши и девять по краю. Орефьев часто задумывается об этой неравномерности, но ответа найти не может.

И тут он увидел птицу на одной из труб. И подумал: цапля. Ему показалось, что она высокая и стоит на одной ноге. И даже не удивился сначала: цапля так цапля. Чего только не увидишь в этом городе. Он даже отвернулся, чтобы спокойно допить чай, но тут же опять посмотрел за окно. Белая высокая птица на одной ноге. Точно, цапля. Откуда? Довольно долго Орефьев раздумывал над этим, а птица всё торчала на трубе, точно давая Орефьеву время рассмотреть себя. Видно было плоховато, не походил даже очки. Жаль, нет подзорной трубы. Как глупо растрачены время, и деньги. Когда появились в изобилии новые вещи и возможность их иметь, семья обязавшаяся многим, в том числе, кстати, и металлической дверью, а вот подзорную трубу не пришло в голову купить, и это даже странно, учитывая, что Орефьев в детстве мечтал стать моряком, стоять на палубе и смотреть в подзорную трубу. И ведь он даже несколько раз видел бинокли и подзорные трубы в каких-то магазинах, поразившись доступным ценам на них, но вот не взял, выбирая срочное и насущное.

Орефьев, не желая бесплодно гадать, позвонил лучшему другу Сурилову.

– Кого я слышу! – весело сказал Сурилов. – Привет! Наденю, у тебя всё в порядке?

Орефьев улыбнулся. Сурилов знает, что у него давно не всё в порядке. Он ожидает жалоб, сетований или просьб (при этом, кстати, в помощи никогда не откажет). Сейчас он удивится глупому вопросу, а Орефьеву это заранее приятно, ибо главные вопросы задают только здоровые и жизнелюбивые люди. Остальные или всё знают, или молчат.

– Ты у нас умный, – сказал он Сурилову. – Ответь, пожалуйста, цапли в городе живут?

– В каком? – деловито спросил Сурилов.

– В нашем.

– Вряд ли. Ни разу не видел и не слышал.

– А я вижу. Напротив сидит на крыше.

– Ты что-то путаешь.

– Можешь тебе, цапля. Клюв длинный, высокая, на одной ноге стоит.

– Может, аист? Хотя аисты у нас тем более не живут. Или кулик какой-нибудь? Но кулики живут на болотах. И у них клюв такой тонкий и изогнутый, я в энциклопедии видел. У этой не такой?

– Вроде нет.

– Вроде? У тебя зрение минус или плюс?

– Минус пять.

– Ну, тогда ясно.

– Что тебе ясно? – рассердился Орефьев, радуясь своей сердитости.

– Слушай, тебе делать, что ли, нечего? – рассердился и Сурилов. Он, видимо, и впрямь подумал, что Орефьев сейчас совершенно здоров, а на здорового человека можно и рассердиться. – Ну пусть цапля – дальше-то что?

– Да ничего. Просто думаю, откуда взялась?

– Откуда взялась, туда и денется! – рассудил Сурилов. – А мне некогда, извини!

После этого Орефьев позвонил ещё нескольким давним знакомым. Они сначала удивлялись забытому ими Сурилову, потом вопросу о цапле. Говорили разное. Прокофьев сказал: она от стаи отбилась. Валя Мальшева сказала: если и залетела в город, всё равно сдохнет, тут и люди-тодохнут от этой экологии, а цапля тем более сдохнет. Минин сказал, что у него авария и ему сейчас в милицию идти, не до цапель. Лукьяненко сказал, что он однажды на окраине города встретил лису. Но все, это было ясно, сомневались. Однако боялись свои сомнения высказать, чтобы не задеть Орефьева. И он понимал их, он рад был отметить в душе их сердоболость: значит, они всё-таки не такие уж плохие люди.

Активной всех отреагировал Степено Аркадий, потому что он был зоолог, а сейчас собачий ветеринар и изучал когда-то орнитологию. Не морочь мне голову, нервно сказал он, не может этого быть. Орефьев мягко настаивал. Аркадий, схватив книгу, горячо, как стихи, прочёл откуда про цапель, а заодно, чтобы прикончить недоразумения, про аистов, журавлей, куликов, фламинго и прочих птиц, имеющих привычку стоять на одной ноге. И никто из них, чётко говорилось в книге, в городах не живёт.

– Да что ты волнуешься? – спросил Орефьев. – Ну не цапля так не цапля.

– Но ты-то утверждаешь, что цапля!

– Мало ли что я утверждаю.

– Да есть ты не уверен?

– Да нет, почему? Цапля, я же вижу.

– Твою-то мать! – выразился Аркадий. – Я вот сейчас приеду – и я не знаю, что я с тобой сделаю!

– Приезжай, убедись!

– На дешёвые розгрыши не поддаюся! – совсем разолился Аркадий и бросил трубку.

Но через минуту сам позвонил.

– Слушай, зачем тебе это надо? Про каких-то цапель придумывает! Ты не свихнулся там совсем?

– Я не придумываю. Я не вновою, что она напротив сидит. На трубе.

– Идиот! – закричал Аркадий и опять бросил трубку.

И опять позвонил.

– Ладно, – сказал он. – Не будем по пустякам. Я действительно, может, заеду как-нибудь. Тебе ничего не надо?

Орефьев прекрасно его понял. Проявлением доброты Аркадий хочет выторговать себе спокойствие. Он как бы говорит: видишь, я с тобой по-человечески, будь же и ты человеком, скажи, что нет никакой цапли. Но Орефьев испытал странное маленькое наслаждение оттого, что может быть немилосердным, как все нормальные люди.

– Спасибо, Аркаша, у меня всё есть. Разве что подзорную трубу или бинокль, чтобы цаплю рассмотреть!

– Ну ты дурак, ну и дурак же ты! – закричал Аркадий чуть не со слезами. – Кому ты сказки рассказываешь? Я профессионал! Я этими вопросами всю жизнь занимаюсь! Ни одной цапли в нашем городе и в наших местах не было никогда – и не будет! Понял меня? Думаешь, ты больной и тебе всё можно? Я сам загибаюсь, между прочим, ещё неизвестно, кто кого на свои похороны позовёт! И всё, не звони мне больше!

Орефьев посидел, подумал, улыбаясь, и пошёл к окну. Сел и стал смотреть на белого голубя. Потому что это был голубь. Белый голубь. Это Орефьев обнаружил буквально через мгновение после того, как ему показалось, что это цапля. Показалось спроста, из-за тумана и плохого зрения, из-за того, что на фоне белесого неба голубь показался каким-то вытянутым и длинноклювым.

С одной стороны, Орефьев, получается, придумал цаплю, сыграл в то, чего нет. Но с другой, если он верил в цаплю хоть немного, значит, она была, вот эту цаплю он и защищал, за неё он и бился в телефонных разговорах, пережив несколько по-настоящему бурных и жизнедеятельных минут.

К тому же если уж возникла мысль о цапле на трубе городского дома, то почему бы не возникнуть и самой цапле? Что в этом невероятного?

Значит, может стать вероятным и другое невероятное. То есть, в сущности, всё.

(2002)

Вариант 2

Александр Галич (1918–1977)

ПСАЛОМ

Б. Чичибабину¹

Я вышел на поиски Бога.
В предгорьи уже рассвело.
А нужно мне было немного –
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развёл над рекою костёр,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растёр.

Что знал я в ту пору о Боге
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И полон предчувствием смутным
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и гнудым,
Что Он пожелает меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей –
Мой бог, сотворённый из глины,
Сказал мне:
– Иди и убей!..

И канули годы.
И снова –
Всё так же, но только грубей,
Мой бог, сотворённый из слова,
Твердил мне:
– Иди и убей!

И шёл я дорогою праха,
И мне в платьях впивался репей,
И бог, сотворённый из страха,
Шептал мне:
– Иди и убей!

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог –
На поиски доброго Бога
И – ах, да померк мне Бог!

(1971)

¹ Борис Чичибабин (1923–1994) – советский поэт; с 1968 по 1987 его стихи ходили только в «самиздате».

Решение